

16+

КАРО ПЕРТ

ТЮРВЕНЬ

Lars Gert Тюрвень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68271227

SelfPub; 2022

Аннотация

Жажда знаний, жажда приключений обошлись двум приятелям слишком дорого – сначала жуткий готический замок Тюрвень с его тайнами и секретами, затем бездны одного из озёр, скрывающие страх и ужас...

Данный рассказ родился в моей голове после внимательного, вдумчивого прочтения более двух десятков рассказов, написанных Лавкрафтом. Я попробовал писать, как он, и думать, как он (точнее, как главные герои-рассказчики его историй). Тот редкий случай, когда я точно знал, что я буду писать, и каким образом я завершу; написано на одном дыхании.

Lars Gert Тюрвень

Однажды возвращаясь из Уилтшира в Корнуолл, я Джордж МакКой, по приезду в гостиницу, в которой проживал последнее время, имел честь получить срочную и важную телеграмму.

Данная телеграмма пришла из самой Франции и извещала меня о том, что мой дальний родственник (дедушка троюродной тётки) очень плох и требует моего немедленного прибытия в его родовое поместье Тюрвень, которое находится в Нормандии.

Конечно же, я помнил своего деда и весьма расстроился – в детстве я довольно часто приезжал из своей родной Шотландии, навещая барона де Тюрвеня, потомственного дворянина в его старинном замке, но воспоминания остались самые смутные и неясные – они почти стёрлись со временем.

Надо признаться, барон этот был несколько со странностями; однако я имел к этому человеку всяческую привязанность – и теперь, когда он позвал меня к себе через столько лет, я не знал, что и думать.

В Уилтшире я в составе группы учёных занимался тщательным изучением комплекса сооружений, наиболее известных всем как «Стоунхендж». Но тысяча девятьсот двадцать второй год близился к своему логическому заверше-

нию – в конце сентября, в слякоть и стужу заниматься какой-либо значимой работой было, мягко говоря, неудобно.

Не то, чтобы я хвалился, но я являюсь специалистом широкого профиля, профессионалом своего дела: едва закончив Эдинбургский университет, я – археолог, антрополог, египтолог, криптозоолог, палеонтолог – хватался за любую возможность, чтобы приложить свою руку к раскрытию тайн древности. Как специалист по неолиту я занимался доиндоевропейским прошлым Британии и подробно исследовал деревню Скара-Брей; побывал на Гебридских, Шетландских и Оркнейских островах, в Нортумбрии и на острове Мэн.

К барону же меня тянули не только родственные узы, но так же и праздное любопытство – этот человек был крайне образован и представлял интерес, а его беседы с ним, по старой памяти, приносили мне удовлетворение.

«Стоунхендж никуда не убежит», решил я. «Я буду возвращаться к этому капищу, к этой уникальной и геометрически правильной россыпи гигантских монолитов ещё не раз – а пока что я срочно беру отпуск за свой счёт и спешно направляюсь в Тюрвень!».

Однако ехать в одиночку я никак не желал, а потому написал письмо своему старому другу и закадычному приятелю – и что-то мне подсказывало, что он не откажет мне в моей небольшой просьбе.

Ллойд О’Брайен был прямой мне противоположностью – авантюрист и весельчак, светский франт, дамский угодник

и всеобщий любимец, тогда как я, Джордж МакКой, был несколько угрюм, суров и излишне серьёзен, но дружба манерного сноба и повесы-оптимиста была безупречной. Мы знакомы с детства – даже учились в одном заведении, но на разных факультетах. В свободное же время играли с ним в снукер, пул, шахматы, теннис и гольф. О’Брайен всегда был более нарядным, чем я; любил он щеголять.

Мой друг – художник и поэт; правда, его вкус несколько подпорчен влиянием Бодлера. Но Ллойд был добр и отзывчив (даже наивен), хотя оттого не менее горячо любим мною. Я прекрасно знал о его увлечении французским языком – поэтому и предложил в своём письме поехать со мной в Тюрвень.

Моё письмо было благополучно отправлено и столь же благополучно доставлено в Инвернесс, где и жил Ллойд. Он же, получив моё письмо, не заставил себя долго ждать и уже через три дня я имел честь принимать его в своём скромном гостиничном номере, предварительно встретив его вне стен сооружения – у дороги, дабы он не заблудился, ибо стоял уже поздний вечер.

– Ах, этот прохладный сентябрьский дождь... – Мило улыбаясь, подмигнул мне мой приятель. – Поскорей бы усесться в кресло-качалку близ старинного камина, накрыться тёплым клетчатым пледом и испить крепкого, хорошего, настоящего ирландского кофе, какой делают только в Коннахте.

– Увы, мы не в Коннахте, и даже не в Дублине. – Виновато улыбнулся я в ответ. – Но будь покоен: здесь кормят недурно; бьюсь об заклад, даже ты останешься доволен.

За окнами ливень лил, не переставая; мерзкая погода хочет испортить прибытие моего лучшего друга?

– Чем занимался в наших родных краях? – С интересом приступил к расспросам я, скрестив руки и несколько подавшись в сторону Ллойда.

– Да вот... Как всегда, в своих мыслях; в поисках чего-то великого, ведь сейчас вся поэзия есть сплошь бульварщина, не достойная моего внимания... – Задумчиво ответил тот, подперев ладонью подбородок. – Мечтал посетить замок Фрейзер, или Мунесс, или Дуннотар – а каковы твои научные изыскания?

– Как видишь, в связи с печальными известиями я и одну экспедицию не завершил, и другую начать не представится возможным, поэтому мне пришлось отложить свою поездку в Египет, которая уже была запланирована мной ранее, ориентировочно на ноябрь месяц. Ты же не печалься о замках – Тюрвень один из них; столь же величественный, и столь же древний.

Поговорив ещё немного, мы улеглись спать, твёрдо уверенные в том, что уже ранним утром двинемся в путь.

Для того чтобы пересечь Английский канал, требуется водный транспорт – которым мы и воспользовались. Не стану описывать все перипетии нашего недолгого странствия –

по пути не случилось ничего особенного.

Ступив на материковую часть Европы, мы немедленно наняли экипаж, который повёз нас обоих в Тюрвень – автомобильных шоссе к поместью не проложено, равно как и железных путей.

Любуясь живописной природой, мы, наконец, прибыли к самим воротам... Близ которых нас уже поджидал высокий мужчина средних лет, представившийся дворецким.

Какое-то дурное предчувствие обуяло меня – как-то сразу похолодело в жилах. Возможно, сейчас я выглядел весьма бледным – хотя это можно было списать на усталость от неблизкого путешествия к старому замку.

– Франсуа Луи де Тюрвень больше с нами нет, мсье. – Ледяным тоном и даже несколько сухоовато молвил дворецкий. – Барон умер сегодня днём во сне.

– Как – умер? – Воскликнул я, разочарованно опешив.

– Не далее как пару дней назад было стремительное улучшение, – Кивнул слуга. – Но после... Впрочем, вы и сами всё увидите; похороны сегодня в пять часов вечера.

Меня бросило в жар. Я бросился в замок, минуя все эти многочисленные ступени, оставляя позади могучие колонны и совершенно не обращая внимания на мрачные башни и готические шпили.

Старого барона я застал в его комнате, в постели. Этот человек уже отмучился, успокоился навсегда, тогда как мои (прежде всего душевные) страдания только начались, в итоге

увенчавшись парой-тройкой скупых мужских слёз.

Стоя на коленях у изголовья кровати, я вдруг остановил свой взор на красноватых пятнах, которыми было усеяно лицо скончавшегося.

Я перевёл глаза на дворецкого, непонимающе мигая.

– Пищевое отравление, – Вздохнув, изрёк тот, поймав мой взгляд.

– А врач?.. – Только и вскрикнул я.

– ... Не успел; было уже слишком поздно.

«Что-то мне всё это не нравится, Джордж; ох, как не нравится», сам с собой разговаривал я.

Я вспомнил, как когда-то, очень давно, я бывал здесь каждое лето, оставаясь на целых две недели. С какой радостью я мчался, чтобы услышать скверный английский своего дедушки, который баловал меня, дарил подарки и рассказывал мне всякие занимательные истории, от которых я всегда был в восторге (хотя от некоторых из них пробегали мурашки по коже).

С большим теплом и любовью дед вспоминал об Англии викторианской эпохи, которую застал и в которой бывал. Он превозносил те нравы и порядки, что царили в тот исторический период – признаться, я разделял с ним некоторые из них. Ныне деда нет, и что же теперь будет дальше?

– Барон де Тюрвень составил завещание, по которому всё это поместье в целом (и особняк, в частности) переходят именно вам. – Объявил мне нотариус после похорон.

– Мне?! – Моему удивлению не было предела, хотя человек я хладнокровный, и так просто меня огорошить, выбить из колеи не каждому под силу. – Неужто у него нет родственников?

Дворецкий многозначительно покачал головой.

– Барон, предчувствуя свой уход, счёл за лучшее оставить всё Джорджу МакКою – то есть вам, мсье. – Пожал плечами нотариус. – Так здесь написано; проверьте сами.

Я же смотрел на этих двоих так, как смотрит глуповатый телёнок на новые ворота.

– Что скажешь? – Уставился на меня Ллойд. Как же хорошо, что он рядом!

– Своё решение я оглашу после ужина. Впрочем...

Я повернулся к двум лицам, с нетерпением ожидающим моего ответа.

– Так и быть, я побуду здесь некоторое время, – Начал я. – Но... – Я предупреждающе поднял одну ладонь вверх. – Я осмотрюсь, проверю дела и приведу их в порядок, если вдруг они запущены. После я буду вынужден продать всё это имение какому-либо иному владельцу, потому как я живу в другом месте и все мои дела – там. – Я сделал неопределённый жест в предполагаемую сторону Соединённого Королевства.

За ужином нам прислуживала какая-то грузная женщина лет тридцати пяти – возможно, она была постарше. Мне показалось, будто на ней несколько платьев и обуви одновременно – словно на самом деле она не такая полная, но отча-

янно пытается доказать обратное. Странное дело, с чего бы это?

Эта женщина мне не понравилась сразу – было в ней нечто отталкивающее. В особенности меня пугали её абсолютно чёрные глаза – страшные глаза, точно лишённые всякой радужной оболочки.

Служанка, кухарка – она была немногословна и даже молчалива настолько, будто ей зашили рот; всё же про себя я радовался, что это существо не издаёт ни звука.

Трудно говорить о её принадлежности к какой-либо национальности и даже расе – мне ли, антропологу не знать, о чём я нынче размышляю?

Народы Банту? Не думаю. Потомок измаильтян и/или мовитян? Вряд ли. У этой особы имелось что-то неземное – речь не о возможной божественной красоте, а, скорее, даже наоборот... Я не я, если в ней нет чего-то от... Рыбы.

И рыбу эту она отказывалась готовить! Точно жалела себе подобных. Своевольная, своенравная – как прислугу с таким характером до сих пор никто не выгнал взащей? Вот чему я поражался.

На следующее утро я и Ллойд отправились было совершать променад по окрестностям замка, как были встречены поджидающим нас мрачного вида мужчиной, одетого во всё тёмное, который в дымке утреннего тумана и вовсе казался каким-то *la petite monstre*.

– Хорошо ли вы подумали, господа, приехав в эти места и

по-прежнему оставаясь здесь? – Окликнул нас незнакомец, не удосужив нас приветствием – что, несомненно, есть моветон. Вкупе с тем, как он был одет, и какая вопросительная фраза вырвалась из его груди, этот тип начал внушать нам некоторое беспокойство.

Местные всегда, во все времена не особо рады чужакам – однако этот человек нападать не намеревался – напротив, он подошёл ближе и сейчас всем своим видом хотел доказать, что он скорее друг, чем враг.

– Гарсон, настоятель здешней часовни; добрый пастырь, верный католик и брат всем прихожанам. – Протягивая нам свою руку, отвечивал он. – Пойдёмте же прочь; я намерен поговорить с вами вне этих стен. – Перешёл на шёпот Гарсон, кивая на хмурые, тёмные башни и зловещие готические шпили.

Мы с приятелем переглянулись, пожали плечами и согласились на его странное предложение.

– Это место заколдовано и проклято. – Начал свой рассказ падре. – А в последнее время там происходили столь ужасные события, что даже я опустил руки, полагаясь исключительно на Господа Бога. Не помогли ни святая вода, ни вызов экзорциста, ни месса непосредственно в замке – кстати, как давно вы сами были на святом богослужении? Может, стоит исповедоваться, сын мой? – Обратился к Ллойдю настоятель, пронзительно глядя ему глаза в глаза – и по виду своего друга, делающего одну мину за другой, я понял, что ему есть в

чём каяться – впрочем, кто из нас, находясь в молодом возрасте, не совершает ошибок? По виду же нашего нового знакомого я понял, что он знает больше, чем говорит, и умеет заглядывать в душу.

– Бесспорно, есть авторитетное, влиятельное мнение, что людей создал Бог, – Как можно более вежливо начал я за своего любовника, опередив и предвосхитив его в ответе. – Дарвин решил, что мы ведём свой род от обезьян... Мне же сдаётся, что у нас был более благородный и более властительный предок – скажу больше: я в равной степени сомневаюсь, что это был высший примат, или что мы просто творения некоего духа. Безусловно, я верю в некую силу – силу нематериальной природы, от которой веет добром и справедливостью – но говорить о том, что именно она в ответе за наличие всех форм и вариаций жизни Вселенной? Увольте, и прошу: без обид.

– Боюсь, вы ещё слишком юны, Джордж, чтобы бросаться такими речами и подвергать сомнению божественное начало человека; но если бы вы утверждали это, находясь в возрасте Дарвина, я бы счёл это глупостью и ересью, а вас самих мне бы стало нестерпимо жаль... Но сейчас это простиительно, поскольку каждый из вас двоих отмерил собой лишь четверть века! Подумайте о женитьбе, господа; мой вам сердечный совет. Ибо вижу я, что настало время вам обоим задуматься о смысле жизни – это гораздо важнее, чем копаться в прошлом, как это делаете вы, Джордж (или поддавать-

ся влиянию призрачных образов, что больше характерно для Ллойда). Но я несколько отошёл от основной темы и хотел бы продолжить свой рассказ об этих краях.

Не стану приводить здесь всё, что наговорил на Тюрвень этот «небожитель» Гарсон – ведь мы, представители прогрессивной шотландской молодёжи, адепты творческой интеллигенции были людьми просвещёнными и далёкими от всякого рода суеверий, а потому не намерены были долго выслушивать всю эту нелепицу.

– Верите ли вы мне, или нет – решать вам, но помните обо всём, что я поведал вам обоим в столь ранний час, оторвав себя от свершения молитвы. – Предостерегающе вымолвил Гарсон и удалился.

Мы же, завершив свой променад уже без настоятеля, возвращались назад. И на обратном пути мы вдруг почувствовали, ощутили на себе косые взгляды редких в этот час случайных прохожих.

– Почему они так таращатся на нас? – С явным раздражением в голосе посетовал я. – Или тут не принято, когда двое мужчин ходят вместе под руку? Невзлюбили нас с тобой, Ллойд, сразу невзлюбили! Чужие мы здесь...

– Ах, оставим эти разговоры, МакКой! – Усмехнулся мой друг, художник и поэт. – Многим только дай повод уличить хотя бы в той же связи; теперь ещё и эта женщина на нашу с тобой голову – ты тоже находишь эту служанку странной? Пока ты спал, я слышал, как она поёт обертонами (и надобно

отметить, пение это заунывное и прегадкое).

Вернувшись в Тюрвень и отобедав, мы изъявили желание осмотреть замок, и первой мишенью нашего визита стал рабочий кабинет барона, находящийся на втором этаже.

Интересно, отчего дверь кабинета приоткрыта? Непорядок.

В кабинете моего деда, на его рабочем столе лежал аккуратный, не мятый лист бумаги – по всей видимости, не дописанный. Когда же я, сев в кресло и немного наклонившись, мельком, украдкой заглянул в содержимое бумажного листа, то наткнулся на две странные формулы с черепами.

Первый пример был предельно прост (если не брать во внимание слагаемые элементы): «череп плюс череп равно две заглавных латинских буквы X». Пример был записан математически, но подлежал ли расшифровке?

Второй пример был столь же прост (хоть и не менее странный, чем первый): «череп минус череп равно два нуля».

Всё было написано от руки, не напечатано (в случае с черепами – нарисовано).

– Что это? – Протянул я лист О’Брайену, вставая из-за стола.

– Понятия не имею, – Ответствовал тот, внимательно пробежавшись глазами по начерченному пером. – Какая-то абракадабра, друг мой. А чем занимался твой родственник?

Моё лицо изошло красками: действительно, а чем он промышлял? Каков был род его занятий? Я почти ничего о нём

не знал! Неужели он как-то связан с оккультными науками господ чернокнижников?

Следующей целью, по нашим планам, должна стать дворцовая библиотека: помнится, в досужие часы мой дедушка надолго пропадал там – когда я, приезжая в очередной раз на каникулы, уже был упоен его страшными историями и одарён подарками. Он никогда не пускал туда ни меня, ни слуг – должно быть, пыли там немерено!

Наша кухарка будто прочла мои мысли, вызвавшись пройти в книжный зал третьей под предлогом чистки полок от пыли и влажной уборки полов.

Внезапно я заметил выражение лица дворецкого, которое несколько напряглось при просьбе служанки – в ту же секунду я понял, что это было бы плохой затеей – пустить её туда.

– Покойный барон строжайше запретил кому-либо входить в святая святых его владений, – Промямлил дворецкий. – В особенности слугам, и, в частности, тебе. – Побагровев, добавил он, свирепо глядя на чернооую кухарку и протягивая мне заветный ключ, который барон носил на шее.

Едва я вошёл в обширный, просторный зал – собственно, и являющийся внушительных размеров библиотекой – как был сражён наповал чистотой этого места и хорошим дневным освещением: Солнце беспрепятственно проникало сюда через достаточно широкие оконные проёмы, застеклённые специальным стеклом, глушащим всяческий ультрафиолет.

Я-то думал, что данное помещение являлось чуть ли не

чуланом, в котором преобладает вечный мрак и спёртый воздух, и где книга читается исключительно при сиянии свечи и в совершенной тайне от всех!

Этот широкий зал изобиловал множеством стеллажей, – которые, впрочем, совершенно не мешали свободному перемещению между ними; поэтому мы с Ллойдом О’Брайеном были совершенно не стеснены в пространстве.

Проходящая по библиотеке и разглядывая полки на высоченных стендах, я пришёл к выводу, что у барона имелся отличный и изысканный литературный вкус: так, я обратил внимание, что каждый из стеллажей знаменовал собой целый отдельный раздел, соответствующий определённому жанру, стилю и даже эпохе, а выкладка книг, имея отличный товарный вид (словно они приобретены буквально вчера, а не много десятков лет назад; словно их пощадили лучи Солнца, хотя прошло уже очень много времени) была разложена очень аккуратно и строго по алфавиту.

Ближайший стеллаж, похоже, был скорее для отвода глаз в случае проникновения на минутку случайного посетителя – на его полках была представлена хоть и не бульварная литература, но типичная беллетристика. Несомненно, что и здесь барон был крайне избирателен, поскольку стеллаж был содержателем такими маститыми авторами, такими корифеями своих направлений, как Герберт Уэллс, Марк Твен, Чарльз Диккенс, Шарлотта Бронте, Шарль де Костер, Уильям Шекспир, Александр Дюма-отец и Жюль Верн (при-

чём, последние два имелись в оригинале). Этот стеллаж был примечателен и иными именитыми авторами, но о них я умолчу, ввиду их многочисленности – в любом случае, наиболее яркие представители мной уже перечислены.

При созерцании книг на следующем стеллаже я невольно улыбнулся: возможно, барон де Тюрвень в закромах своей до конца не раскрытой души оставался беспечным ребёнком, или же держал их наготове для ребят вроде меня, ибо на полках этого колосса, уходящего своей вершиной под высокий потолок, располагались сказочные произведения Ханса Кристиана Андерсена, Якоба и Вильгельма Гримм, Шарля Перро, Вильгельма Гауфа, Редьярда Жозефа Киплинга, Льюиса Кэрролла, Джеймса Барри и Джонатана Свифта. Отдельный интерес представляли все восемь томов «Тысячи и одной ночи», стоявшие особняком – интересно, где барон достал сей раритет? Антикварное подарочное издание, красочные обложки и иллюстрации к этим волшебным арабским (или персидским?) историям – Бог мой, да это же целое состояние! Такими большими деньгами вряд ли мог располагать даже такой уважаемый помещик, как мой дед... Воистину, де Тюрвень – великий коллекционер.

Проследовав далее, мы обнаружили стеллаж с материалом посерьёзнее: нашему взору предстали труды сэра Артура Конан Дойла и только-только появившихся публикаций отставшей впоследствии весьма успешной и знаменитой Агаты Кристи. Здесь же, рядом, но на другой стороне хранились

(но ни в коем случае не пылились) «Троецарствие» Ло Гуань-чжуна, «Декамерон» Джованни Боккаччо и «Божественная комедия» Данте Алигьери.

Каждая книга была бережно хранима; ни у одной не имелось мятых страниц (несмотря на то, что их определённо читали, и не раз). На полках, под книгами отсутствовала пыль, а в самих страницах (которые, надобно отметить, не были жёлтыми от ветхости) отсутствовал книжный червь. Но кто же так рьяно и так долго, на протяжении стольких лет заботился о сохранности сокровищ этой библиотеки? Кто столь трудолюбивый и преданный поклонник? Мой дед чисто физически не смог бы протирать пыль в таком гигантском зале, даже буду молодым и здоровым – чего уж говорить о его более поздних годах – а ведь, судя по всему, чистоту и порядок здесь наводили ежедневно. Для меня и моего компаньона этот вопрос так и остался загадкой – во всяком случае, пока.

Итак, мы в библиотеке уже больше часа, но не устали от слова «совсем», ведь книга есть лучший подарок – представьте теперь, какую неоценимую услугу оказал мне дед, отписав всё имущество мне, ведь вся эта библиотека есть огромный кладёзь знаний, и ни одна из книг этой тихой, но могучей усыпальницы не стоит здесь просто так (и уж тем более не является проходной). Каждая, каждая значима и уникальна по-своему; за любую из них я готов дорого заплатить. Пожалуй, только теперь, взглянув на всё это сокровище сво-

ими собственными глазами, я по-настоящему понимаю всё трепетное отношение своего дальнего родственника к этой комнате, а также то, почему он никогда никого сюда не допускал.

Вскороости, обследовав уже многие и многие разделы, мы подошли к стеллажу, который вызвал лично у меня вначале некоторое недоумение, а после – восхищение, ибо то был раздел с трудами по палеонтологии. Оттуда же на меня смотрели вечно живые Чарльз Дарвин и Томас Хаксли.

Однако я пришёл в ещё большее недоумение, когда увидел целый раздел, посвящённый религии: здесь имелись Библия в Вульгате; она же была представлена здесь на греческом, арамейском и иврите. Тут я нашёл и не канонические её книги, и апокрифы, и редкие издания шестнадцатого века, выполненные готическим шрифтом. На другой полке покоился Коран на арабском языке – так называемый «истинный Коран», к которому я, однако, прикоснуться не посмел (равно как и мой друг).

При переходе к последнему, самому дальнему стеллажу у моего коллеги по просмотру отвисла челюсть, а сам я остолбенел в великом безмолвии, не в силах пошевелиться от неожиданности.

Вот она, загадка и разгадка! Вот та тайна и секрет за семью печатями! Вот чего так боялся мой несчастный праотец; боялся за меня и боялся за других... Но всё по порядку.

Поначалу этот мрачный, многополочный стеллаж сбил

нас с толку наличием на нём журналов и газет, в которых были опубликованы некоторые отдельные произведения Говарда Филипса Лавкрафта, Кларка Эштона Смита, Роберта Говарда, лорда Дансени, Эдгара Аллана По, Амброса Бирса, а также первые наброски Августа Дерлета. Это были все те истории, от которых при вдумчивом прочтении пробирает насквозь, и есть мнение, что всё описанное в них происходило на самом деле. Я был вскользь наслышан о них, а Ллойд – даже ознакомлен, и далеко не понаслышке, как я.

Полкой выше стеллаж явил нам полное собрание сочинений Мишеля де Нотр-Дам, более известного как Нострадамус. Там же мы увидели «Молот ведьм» Якоба Шпренгера и Генриха Инститориса. Также, нашему взору открылся целый ряд малопонятных текстов и свитков на тсат-йо и даже эсперанто; оккультные, мистические, эзотерические работы на енохианском языке; деревянные дощечки и таблички на аксумском, шумерском и халдейском языках; множество неизвестных нам книг на вульгарной латыни и древнегреческом. Но самой страшной в этом ряду была, несомненно, древнеегипетская «Книга мёртвых» – при всём своём атеистическом скептицизме я побоялся даже близко приближаться к этому папирусу, от греха подальше (хотя в данной ситуации я повёл себя как трус, а не как египтолог со стажем). Ллойд примерно знал, что в нём – поэтому мы решили не терять на это времени, ибо дворецкий может потревожиться за нас, так как мы в этой библиотеке непостижимо долго.

Что же ждало нас на самом верху? Вряд ли что-то хорошее, ибо я видел состояние своего верного союзника, который уже еле держался на ногах – да, Ллойд, несмотря на всю его показную весёлость и оптимизм, был гораздо более чувствительной натурой; тонкой и ранимой. Сейчас мой сердечный друг устал, но я увидел в его глазах, что он намерен вместе со мной довершить начатое.

Первым полез Ллойд, забравшись на деревянную стремянку. Он мог не говорить мне названий, ибо отсюда я видел хорошо.

«Пнакотские манускрипты», «Семь тайных книг Хсана», «Пикатрикс», «Бардо Тхёдол», «Хроники Акаши», «Тайны Червя», «Книга Эйбона», «Невыразимые культы» и даже редчайшая копия пергамента «Рукопись Войнич» – вот что пряталось на верхней полке! Но самой ужасной книгой, самой дальней и самой неприметной из всех являлся «Некронмикон», помещённый сюда кем-то против всех правил, ибо находился в самом конце, игнорируя сортировку по алфавиту – возможно, потому, что у этой книги не было автора (а тот, кто был заявлен в качестве такового, сгинул где-то посреди бескрайней Аравийской пустыни, находясь в поисках Запретного города, который древнее, чем поселения любой из известной человечеству цивилизаций).

Эта страшная книга была своего рода квинтэссенцией вселенского зла; пособием для начинающих чернокнижников и опасным (с риском для жизни – как физической, так

и духовной) руководством по самой тёмной, самой чёрной магии. При виде её каждого из нас двоих охватила непонятная дрожь... Без сомнения, для меня как ценителя древности эта книга была настоящей находкой – но почему же мне так не по себе?

Переплёт «Некрономикона» был выполнен из натуральной человеческой кожи, но и это ещё было не всё: она была опоясана своеобразным ремешком, на котором был замок, ключ от которого лежал здесь же, на полке. И угол этот был, пожалуй, единственным местом библиотеки, куда никогда не проникал никакой свет.

– Говорят, она написана кровью – если это та самая книга, – Беспечно улыбаясь, приговаривал Ллойд, стоя на стремянке и поворачивая книгу в своих ладонях туда-сюда, внимательно, с превеликим интересом рассматривая её. – Люблю старину – впрочем, как и ты, приятель.

– Говорят и другое, а именно: что страницы её дегтярно черны, что поверхность этих страниц шероховата, точно на неё нанесён шрифт Брайля; что на них вписаны не поддающиеся никакой расшифровке символы и знаки, что... Но мы же с тобой взрослые люди, люди с высшим образованием – неужто мы поддадимся на всю эту магию слухов, на рассказы и сущий бред не проверенных нам источников? У страха, как известно, глаза велики, и...

Я лукавил: какой бы ни была эта книга, я с удовольствием бы заглянул в неё, ибо любопытство довлело над страхом –

говорят, в «Некрономиконе» написано и описано такое, что волосы дыбом, а её истинные авторы то ли с планеты Юггот, то ли из таких подземных миров, как Ксинаян, Йот или Н'кай.

Но я не договорил: при моих словах «У страха, как известно, глаза велики, и...» сверкнула молния, и грянул гром! От испуга (или не только?) мой любимый, вскрикнув, навернулся со стремянки и упал навзничь, не подавая признаков жизни.

Только я хотел броситься к тому, кто являлся для меня больше, чем другом, как путь мне перегородила призрачная фигура – фигура моего деда, барона де Тюрвеня:

– От любой из книг в моей библиотеке ты можешь черпать знание. – Напутствовал меня призрак. – Только к полке с «Некрономиконном» даже близко не подходи! – Казалось, он грозил мне иссохшим кулаком.

Ах, сколь же запоздалыми оказались его напутствия и предостережения! Я был в таком трансе, в таком состоянии, состоянии аффекта, что даже не удивился фантому, представшему передо мной, а между тем привидение не унималось. Его речи резали мой слух:

– Верни эту дьявольскую книгу (которую я по своей молодости, по своей глупости выкрал и многократно пожалел об этом) в Национальную библиотеку Франции (что в Париже) – а лучше и вовсе переправь подальше, за много-много миль отсюда – в Мискатоникский университет, который располо-

жен в Аркхэме.

Ну, вот и всё: видение исчезло, а вместе с ним – голос моего покойного родственника. Теперь я всё более явственно ощущал стоны знакомого тембра и вспомнил, что там, в паре шагов от меня, на шахматном полу лежит человек, который больше всего на свете сейчас нуждается в моей помощи.

– Как ты, Ллойд? – Спросил я, подбежав к другу.

Вызванный в Тюрвень лекарь диагностировал у поэта и художника сотрясение коры головного мозга, вызванное следствием падения с большой высоты, а также многочисленные, но не опасные для жизни ушибы.

Кухарка, уборщица, прачка уже была тут как тут, и я, натолкнувшись на неё, задался вопросом, который стал мучить меня с того самого дня: почему эта служанка так интересовалась старинной библиотекой? Я начал догадываться, что её намерения отнюдь не прозрачны: вряд ли эта женщина имела желание навести чистоту. Скорее всего, ей было что-то нужно в библиотеке, но все эти годы барон, как известно, на пушечный выстрел не подпускал туда ни её, ни кого-либо ещё. Неужели она умеет читать? Ведь что-то же тянет её сюда, в эту скрипучую, но всё ещё величественную дверь, которая для человека не посвящённого является преградой из мира настоящего в мир прошлого, окном в мир величайшей древности, в зал мудрости, один большой многокнижный трактат, древо жизни и первоисточник всякого истинного знания.

После недельного пребывания здесь я вдруг ощутил со стороны этой женщины подобие некоей нарочитой услужливости, которую поначалу я в ней не подмечал – возможно, из-за известных событий я был погружён в думы, и мне было не до того.

– Не хочет ли мсье пирог? А мяса с рисом? А супу? Или – фруктов?

Обычно я отказывался от второй порции, зато Ллойд по вполне понятным причинам (да, он уже шёл на поправку) охотно уминал всё, предложенное этой челядью. Вот только я начал замечать, что как-то не впрок, поперёк горла вставала эта пища. Поначалу я не придавал никакого значения, но после случившегося позднее отравления Ллойда я сопоставил факты и забил тревогу.

Я лично в присутствии О’Брайена дал попробовать приготовленную для нас пищу одной из собак нашего дворецкого – спустя несколько минут она околела, что подтвердило мои предположения о том, что нам подсыпают яд – правда, в небольшом количестве. Не от этого ли яда скончался барон, на протяжении многих лет вкушая яства черноглазой ведьмы?

Ллойд посоветовал мне расспросить дворецкого об этой служанке, но я решил провести своё собственное расследование – вдруг и дворецкий замешан в интригах? Которые недобрым ореолом окружали родовое дворянское гнездо.

Улучив наиболее удобный для себя момент, я тайком про-

ник на кухню, где застал кухарку за нарезкой лука для салата.

Женщина нашла себе новое занятие, забросив старое: она вдруг резко передумала делать салат – вместо этого она, вымыв руки и вытерев их насухо, достала из кухонного шкафчика коробочку с каким-то тёмно-коричневым порошком. И всё это время Жаббона что-то бурчала себе под нос.

Я напряг весь свой слух, дабы уловить хоть что-то из её недоброго ворчания, больше похожего на... На бульканье (особенно ему соответствовали последние шесть слов):

– Отоно Н'кай тёколатль зазаза пэрэ-пэрэ. Жиулкоигмнжаха, Зистулжемгни? Ксаксалутх, Кефментх; Тсатхоггуа, Звильпоггуа...

Тёколатль? Я не ослышался? Ведь «шоколатль» – слово ацтекского происхождения, и означает «горькая вода». Стало быть, эта ведьма задумала что-то подмешать в горячий шоколад, который я и мой друг с такой охотой пьём по утрам???

– Ничего не нужно; мы будем завтракать не здесь. – Скрестив руки, вымолвил я, гадая, откуда простая кухарка знает язык ацтеков, и к какому языку относятся все остальные слова, произнесённые ей. Я уже пожалел, что в своё время не концентрировал должного внимания на лингвистике.

Застигнутая врасплох, кухарка выронила всё на пол, а её чёрные глаза чуть не вылезли из орбит – это я уже увидел, когда домработница повернулась ко мне лицом.

Еду мы принимали теперь из других рук, но Жаббона (так

прозвали мы «колдунью») переориентировала свои умения в другое русло – что и не преминуло нам вскоре лицезреть.

– Мсье бы подошло вот это. – Протянула мне Жаббона вешалку с каким-то сюртуком – вполне добротным, если бы не запах мыла, нафталина или что ещё подкладывают к вещам эти слуги.

– Пожалуй, воздержусь. – Решительно отказался я.

– А я надену (если оно впору). – Веселясь, присвистывал Ллойд – да, это в его духе. Его не особо омрачила трагедия друга, хотя соболезнавал он искренне. Что его радовало – так это уникальная возможность беседовать на французском с носителями языка. Я и сам радовался за него, а также за то, что он сейчас именно здесь – что он видит там, в своём туманном, своём приморском Инвернесе, куда из-за частой непогоды редкое судно стремится... Пусть хоть немного развеется в старой доброй Франции, куда лучик солнечного света не просто проникает – но и согревает.

Всё же я подметил, что козни Жаббоны адресованы исключительно мне: похоже, она явно была не в восторге, что Ллойд, а не я потакает её навязчивому прислуживанию. Как я понял, её целью всегда становится исключительно хозяин – несмотря на то, что я ещё не вступил в права наследования, было ясно и понятно, кто будет руководить всем этим земельным участком.

Одним субботним вечером я полулежал на софе и вдруг заметил на себе чей-то взгляд.

То была Жаббона, собственной персоной.

– Разве у тебя сегодня не выходной? – Поспешил поинтересоваться я.

Тут глаза этой... Этой женщины стали очень светлыми, полупрозрачными – точь-в-точь, как рыбы.

Служанка вышла из моих покоев, а вот я, оставшись лежать, почувствовал себя неважно – я тяжело переносил её сверлящий взгляд, взгляд в упор. Это же попытка сглаза, не иначе.

В другой раз её зрачки были вытянутыми, как у кошки. Какова же её истинная сущность?

Я опустил ноги на ковёр, лежавший близ моей кровати, скрестил пальцы рук меж собой и задумался: а может, зря я придираюсь к этой несчастной женщине? Может, в её действиях нет никакого злого умысла, а всё происходящее – плод моего воображения? Может, у неё какое-то горе?

Взвалив на себя миссию человека добродушного, справедливого и милосердного, я спустился на первый этаж, дабы постучать в комнату Жаббоны и поговорить с ней начистоту, без обиняков.

Уже подходя ближе, я расслышал какой-то гул: то ли бормотание, то ли кряхтение, то ли всё разом.

Подслушивание является моветоном – но не в данной ситуации. При других обстоятельствах я, конечно же, повёл бы себя иначе.

Дверца была приоткрыта, и через узкую щель я увидел

Жаббону на коленях перед распятием.

«Молится, наверное; не буду мешать. Надо же – остались ещё люди, которые...».

Но мой слух привлекли словосочетания, явно к молитве не относящиеся – никаким «Символом веры», «Отче наш» или венчиком милосердия здесь и близко не пахло! Напротив, эта ужасная тварь изрыгала из своей глотки сущие проклятия, и вот что терзало мой слух в тот момент, в тот роковой отрезок времени:

– Йа! Йа! Шуб-Ниггурат, Ньярлатхотеп! С'а, с'а, с'а; хих-хя, хих-хя, хих-хя... Айвасс, я призываю тебя! О, Гхисгхут-вседержитель – на тебя лишь уповаю... Ктулху фхтагн, Йог-Сотот! Цатх Р'льех...

После этого жалкое отродье древнейших космических бездн превратилось в змею – скользкую, шипящую рептилию, которая потащила своё брненное тело в сторону двери, у которой стоял я, Джордж МакКой.

Я не помню, как пистолет оказался в моей руке – раздался выстрел.

Пуля нашла свою жертву, и вот: вместо змеи, вместо служанки на полу лишь густая зелёная жижа, и больше ничего.

На шум сбежались все, кто был в замке Тюрвень; лишним будет писать о том, как мы избавлялись от трупа, и что было после. Последнее, что запомнилось мне в тот злополучный день – дерево; вековой дуб, рухнувший, как подкошенный, в ту самую минуту, когда произошло убийство. Дворецкий

же поведал о том, что молния уже попадала в дерево – в тот самый миг, когда мой друг, художник и поэт упал со стремянки на библиотечный пол. Но причиной гибели дуба была вовсе не молния, а сильный ветер – хотя при любом гранпаянсе выходит, что всё взаимосвязано в этом демоническом поместье.

Я начал вспоминать все детали моих контактов с Жаббоной – в частности, когда она, накрывая на стол в начале нашего с Ллойдом пребывания здесь, случайно дотрагивалась до меня своей конечностью – сейчас у меня язык не повернётся назвать это рукой.

Температура её кожи была очень низкой – вот и Ллойд, помнится, твердил аналогичное – когда у него после падения был жар, то дотронувшаяся до его лба ладонь Жаббоны была уж слишком ледяной, неестественно холодной. Сама она день ото дня становилась всё более толстой, всё более обветшала, как старый деревянный брус, гниющий в сырости подвала. И столь стремительно она старела, что... Хотя Жаббона всегда казалась мне древнее, нежели на самом деле.

Главным было то, что в могилу свести меня ей так и не удалось; «Некрономикон» она также не заполучила (хотя старалась изо всех сил). Но кто же она? И что всё это значит? Почему она призывала ифрита Айвасса, который покровительствовал сэру Алистеру Кроули, находящемуся на тот момент в ливийском Триполи? На эти вопросы у меня ответов не было – как не было их у Ллойда, Гарсона или дворецко-

го – который после тех ужасающих событий скоропостижно рассчитался с работы.

В скором времени, безотлагательно я приступил к продаже поместья, которое уже порядком поднадоело мне и моему Ллойд из-за предельно мрачной, гнетущей атмосферы, царившей в нём.

Оказалось, что претендентов на покупку Тюрвеня не имеется: замок и его окрестности, как известно, пользовались дурной славой (в то же время к имени и житию самого барона люди парадоксально относились с почтением и уважением).

– Это наследственное, – Говорили одни, а я не мог взять в толк, что они имеют ввиду.

– Он стал заложником своих же экспериментов, – Качали головами другие.

– Франсуа Луи был человеком порядочным, но нестерпимая жажда знаний, жажда приключений повели его лодку жизни в иное русло – а после приобретения одной книги в странном кожаном переплёте он и вовсе... – Загадками шептались третьи.

– Это всё кухарка виновата! – Утверждали четвёртые. – Как она появилась в его доме – а это было с полвека назад – так всё и началось! Она постоянно что-то подмешивала ему в пищу, но он не обращал на это никакого внимания, а всей прочей прислуге настрого запретил третировать эту гадину – точно, она околдовала его своими чарами, своими произне-

сёнными задом наперёд фразами, проигранными в обратном порядке песнопениями. Хвала Всевышнему, что барону хватило ума таки не допустить треклятую до его величественной библиотеки, многие книги которой собирались в течение всей жизни хозяина, а некоторые приобретались ещё его предками.

– Верно! – Соглашались пятые. – Эта женщина свела барона в могилу, настраивая его заниматься в лаборатории, из которой он не появлялся целыми сутками. Де Тюрвень почти не спал, и выглядел прескверно, а эта шарообразная горничная точно приказывала ему – хотя полностью подчинить его своей воле ей так и не удалось. Её шаги напоминали чавканье, её голос соответствовал бульканью, её чёрные, на выкате глаза...

Так мне говорили люди – обычные деревенские люди, несколько невежественные и преисполненные всяческих суеверий. Их домыслы и заявления были абсурдны, но совсем не верить им я не мог, поскольку сам столкнулся с диким ужасом – а про глаза этой чародейки я знал и сам.

Гарсон предложил отписать поместье церкви, но я медлил, всё ещё пребывая в раздумьях и до сих пор находясь под сильным впечатлением.

– Возьми эту адскую книгу, Ллойд, и поезжай в Париж. – Призвал я О’Брайена в рабочий кабинет своего деда, протягивая ему «Некрономикон». – Отвези её в Национальную библиотеку Франции.

– Почему я, Джордж? – Задал мне вопрос мой друг, художник и поэт таким тоном, будто я вынес ему смертный приговор.

– Я не могу оставить это чёртово поместье... – Замялся я, разводя руками. – Я должен, просто обязан закончить здесь все свои дела, продать Тюрвень и поскорей покинуть его.

– Хорошо. – Молвил он и вышел, а я, глядя на его удаляющийся силуэт, глядя ему в спину, уже пожалел, что дал ему такое поручение – равно как пожалел и о том, что не обнял его напоследок. Я сказал – напоследок? Я, правда, так сказал? Враки; просто опять какое-то предчувствие: вот, после падения с высоты мой Ллойд отныне ходит с тростью, несколько прихрамывая... Как бы не случилось чего!

Провидение заставило меня зачем-то подняться на чердак; оно же заставило меня с фонарём спуститься в подвал. Как под гипнозом, я пошёл исследовать все башни до единой – что именно я пытался найти, я не знаю и сам.

Порядком устав, я, крайне недовольный как собой, так и тщетностью поисков, направился к себе и посмотрел на большие настенные часы.

Куда запропастился Ллойд?

Вскоре со мной связались из полицейского участка: произошла беда.

Пулей я помчался туда, где мне сообщили, что моего друга кто-то столкнул в кювет, когда он вышел из нанятого им автомобиля и уже направлялся в необходимую ему сторону.

– Как это произошло? – Я ничего не мог понять. – Как это «его столкнули»? Каким образом?

– Ллойд О’Брайен вышел из машины раньше положенного, не доезжая до пункта назначения. Возможно, ваш друг решил прогуляться пешком, ибо здесь лесок и сквер.

Я задумался: да, это в духе моего вечного мечтателя; он любитель природы. Слова жандарма похожи на правду.

– Отчего-то он (достаточно неторопливо, полагаю) шёл по краю шоссе и внезапно остановился. Кажется, он почувствовал за собой слежку? Кто-то подошёл к нему сзади, и... А, знаете, именно эта дорога у нас как бы поверх ландшафта – ваш приятель, ваш знакомый скатился в обрыв и в настоящее время находится под пристальным надзором врачей.

– Куда мне идти? В какой больнице его палата? – Выпалил я, всячески переживая за Ллойда.

– Я вам сейчас напишу. Только распишитесь здесь, пожалуйста... И заберите вот это. – Полисмен вытащил из-под стола какой-то свёрток и протянул его мне.

– Что это? – Поморщился я. – Это не моё.

– А мне так не кажется, мсье. – Насупился жандарм.

На всякий случай я надел перчатки, и взял это в руки... В свёртке был «Некрономикон»!

«Да что ж такое, а?», Раздосадовано, с негодованием вскипел я.

– Всё в порядке, мсье? – Брови комиссара поползли вверх.

Я ретировался, не ответив, но прихватив с собой прокля-

тый свёрток. И пока я нёс его, то ощущал такую тяжесть, будто нёс не книгу (пусть и достаточно объёмную), а трёхпудовую гирию.

– Как же тебя угораздило, друг мой? – Со слезами на глазах спросил я, стоя у изголовья больничной койки.

– Прости меня, Джордж... – Виновато произнёс тот через силу, и попытался приподняться, но у него ничего не вышло.

В это время подошёл лечащий врач и просто убил меня наповал, поведав о том, что мой приятель парализован ниже пояса и больше никогда не сможет ходить, поскольку повреждён позвоночник.

Через несколько суток я, согбенный горем, забрал Ллойда на время в Тюрвень, в дальнейшем имея намерение увезти его подальше от всех этих невзгод, так рьяно и беспардонно обрушившихся на нас.

Имение я кое-как продал, а книгу выбросил в Сену. Сейчас, в вагоне поезда, идущего из Лондона в Инвернесс, я жалел лишь о том, что у меня больше не будет возможности блуждать по великой библиотеке моего деда, ведь большинство из книг были попросту бесценны. Некоторые из них я вёз с собой – всё, что поместилось в мой до того скромный, скудный багаж.

Рядом со мной сидел О'Брайен – в очках и в инвалидной коляске; отныне он – заика. Улыбка давно сошла с его губ; он совсем раскис и был погружён в безмолвие.

– Отвези меня в Кент, и посели в Кентербери (а лучше

в Дувре); именно там я хочу встречать рассветы и закаты. – Неожиданно проговорил он и уронил голову на колени, дабы я не увидел всех его мучений и страданий.

– Нет уж, старина, – Запротестовал я. – В родном городе тебе станет намного легче; и вообще – кто из нас двоих больший оптимист?

Я понимал, что ему тяжело, но не знал, чем помочь и как приободрить; я поглаживал своего друга по его белокурой голове, в то время как он окунулся в спасительный для него сон – надеюсь, ему не снятся кошмары...

В Инвернесе я оборудовал Ллойдю помещение для художеств, ибо знал, что долго мастер без творчества не сможет. Я установил мольберт пониже и придвинул его поближе.

– Рисуи, мой друг, и да снизойдёт на тебя всяческое вдохновение! Пусть муза озарит тебя!

Уже стоял март двадцать третьего, и то, что изобразил в своей картине Ллойд, повергло меня в шок и недоумение.

То была пирамида Хеопса, по левую и правую сторону которой стояли Сет и Анубис – два воплощения одного и того же древнеегипетского зла. Но не они, не они напугали меня – а напугать меня трудно: ближе к вершине пирамиды на ней зиждился человеческий глаз – но очень, очень злой – да такой, что мне стало не по себе, ибо пара таких страшных глаз имела у Жаббоны, служанки барона де Тюрвеня. Самое ужасное, что глаз этот смотрел прямо на меня – и на любого другого, кто посмел бы взглянуть на полотно.

Мне показалось, что этот глаз что-то усиленно ищет – ищет, ищет и никак не может найти. Я же поспешил рассмотреть иные детали художества моего друга, и увидел, что над пирамидой довлеет небо цвета индиго, а за самой пирамидой встаёт кроваво-красное Солнце (или Луна), на диске которого отчётливо проступает перевёрнутая пентаграмма. Если учесть, что Солнце это (или Луна? Или Юггот?) являет собой окружность, то вписанная в эту окружность зловещая пентаграмма – явный перебор мрачных символов, без того господствующих на этой иллюстрации; один этот глаз чего стоит... Глаз, который в несколько ином, искажённом виде много позже использует Толкин в качестве новой жизнеформы одного из своих главных злодеев!

– Как тебе мой рисунок, Джордж? – Поинтересовался Ллойд. – Не правда ли символично?

– Символично чему? – Не понял я.

– Читал ли ты сегодня утреннюю газету?

– Ещё нет; а что там?

– Прочти сам...

Я взял со стола свежий номер «Инвернесс лайф» и пробежался по заголовкам, листая газету.

– Ничего не понимаю...

– А я – даже очень! Ты по-прежнему жалеешь, что не стал членом экспедиции лорда Карнарвона, собирателя древностей? Этот твой тёзка по имени, и твой тёзка по профессии – оба они мертвы, равно как и иные из тринадцати, приняв-

шие участие в осмотре (читай: осквернении) гробницы Тутанхамона. Почитай сам ещё разок...

Я последовал его совету.

– Двое погибли сразу, Джордж; после умерли ещё девять. Ну, как тебе это? Что ты на это скажешь?

Я не ответил прикованному к креслу человеку, окружённого моей заботой.

Тут я заметил на столе какую-то то ли брошюру, то ли... То была «Телема» Кроули.

– Ты где это взял? Выкинь в урну эту дрянь сейчас же!

Я перепугался за своего товарища: а не водился ли он тайне от меня с телемитами – последователями учения о воле? К сожалению, сейчас я не всегда бываю рядом, ибо целыми днями пропадаю в конторе, и О’Брайен предоставлен самому себе. Я понял, что друга надо спасать: одно дело – увлекаться мистицизмом для саморазвития, и совсем другое – всерьёз это практиковать!

– Друг мой, почему бы тебе не взять и не навестить Аннабель, Риган и Эмили Роуз? Помнится, тебе всегда было удобно, приятно, уютно и комфортно в их радушном обществе. – Предложил я однажды Ллойду.

– В другой раз, Джордж, – Улыбнулся художник и поэт – давно уже я не видел его столь окрылённым! – Этим вечером я намереваюсь присутствовать на одной литературной встрече; я буду декламировать стихи собственного сочинения. Там будет вся богема; не желаешь ли присоединиться?

– Боюсь, моё общество любой из твоих знакомых сочтёт скучным и нудным, – Отмахнулся я. – К тому же, я не ищу новых знакомств.

К счастью, О’Брайен не обиделся, и я с облегчением вздохнул. Я мог бы составить ему компанию, но мне действительно нечего делать на грядущем литературном вечере. Но я с удовольствием прослушал его потуги сейчас, без лишних ушей и глаз; мне выпала честь первому услышать его новые поэтические излияния.

– Отчего тебе не писать прозу? – Предложил я. – Думаю, у тебя получилось бы недурно.

– Видишь ли, мой друг... – Начал Ллойд и запнулся. – Как ты знаешь, я человек творческой природы, и мне необходимо вдохновение для написания чего-либо. Это корреспонденция в одночасье за определенное количество фунтов стерлингов напишет отличную статью; для них это работа. Я же так не могу, ибо идея может родиться, а может и не родиться в моей голове; для этого нужно определенное время суток, желание и прочее. Но в Тюрвене я вёл дневник в стихотворной форме; можешь почитать на досуге.

– Даже не напоминай! – Стал открещиваться я. – Забудем всё произошедшее, как страшный сон.

– Некоторые сновидения имеют свойство повторяться, – Возразил Ллойд. – Вот всё же мучает меня один вопрос: не показалось ли тебе странным, что слово «Тюрвень» не встречается ни в английском, ни во французском, ни в гэльском

шотландском, ни в ирландском, ни в валлийском и ни в каком другом? Такого слова нет; оно словно выдуманно.

– Пожалуй, ты прав, – Согласился я. – Но не стоит забивать себе голову этими мыслями.

Между тем близилось лето, и со мной связался Ларри фон Геерт – глава экспедиции, посланной в прошлом году в Стоунхендж – что вполне логично, ибо членом этой экспедиции был и я, а наша команда выполнила поставленные перед ней задачи лишь отчасти.

– К Ларссону собрался? Сэру мистеру Герту? Ларсу-кладоискателю, или как там его... – О’Брайен громко высморкался в носовой платок, измученный хроническим ринитом.

– Умоляю, Ллойд: не ревнуй. Я еду не прохладиться; еду не на край света, и не навсегда. Это моя работа, дружище; ни в коем случае не думай, что я тебя бросаю.

Когда всё уже было готово, когда наша группа двинулась в путь, экспедиция внезапно и немедленно была свёрнута.

– В чём дело, Ларри? – Спросил я у нашего руководителя.

– Лох-Несское чудовище, Джордж: оно снова объявилось! Нас просят оставить на время реализацию наших планов по Стоунхенджу, и переориентировать свой маршрут, дабы присоединиться к исследовательской группе наших коллег, которые на данный момент уже выдвинулись к озеру от реки Несс.

«Что ж, тем лучше», подумал я, ведь Инвернесс там совсем неподалёку – моему драгоценному Ллойд будет спо-

койнее. Ну, а мне без разницы, где искать артефакты, будь то комплекс пирамид в Гизе, монолиты Стоунхенджа или глыбы озера Лох-Несс.

Небольшая команда наших учёных – включая Ларри фон Геерта, меня и ещё нескольких человек – присоединилась к криптозоологу Чэндлеру Смиту и его группе ровно в тот момент, когда он опрашивал очевидцев очередного появления «Несси» (так прозвали предполагаемого ископаемого плезиозавра местные жители).

Свидетельства людей были противоречивы; верить ли им? – Расскажите подробнее, что именно вы видели? – Спросил я у одного из «очевидцев», подходя ближе и пожимая руку своим коллегам. Да, порой я брал инициативу в свои руки – к тому же Ларри куда-то странным образом запропастился – будто испарился.

– Примерно месяц назад, в апреле двадцать третьего, я ехал вдоль берега на своём «Форде», сэр. – Неуверенным тоном начал Альфред Круикшанк, свидетель.

– И? Что было потом? – Нетерпеливо спросил я.

– Вы можете мне не верить, но это была гусеница, сэр.

– Гусеница?! – Переспросил я с явным недоверием и обратился к доктору Смиту, понизив голос:

– Чэндлер, что за спектакль? Вы выдернули меня сюда, оторвав от важного исследования, исключительно для того, чтобы я выслушивал весь этот бред?

– Дослушай, – Шепнул мне криптозоолог. – Поверь, я бы

не побеспокоил по пустякам.

– Огромная гусеница, сэр. – Продолжил Альфред, и по всему его виду было понятно, что и спустя месяц испуг его не улетучился. – Громадное, гигантское, горбатое животное высотой около двух метров; оно вынырнуло из озера в пятнадцати метрах от меня! Оно проследовало на сушу всеми четырьмя своими колоннообразными слоновьими ногами, и следы от ступней были очень большими. Увидев меня, ехавшего навстречу, монстр вдруг издал звук, похожий на резкий, болезненный лай простуженной собаки, и убрался обратно. В месте погружения пошли круги, но вскоре там уже была безмятежная водная гладь...

– Оно ещё и залаяло, Чэндлер? – Я еле сдерживал смех, отводя учёного в сторону.

– Не руби плеча. – Доктору Смигу, похоже, было не до шуток. – Четыре года назад Маргарет Кэмерон и трое её детей заметили чудовище, которое собиралось выскочить из леса и нырнуть в воду озера в заливе Инчнакардоч. По её описанию, существо было около шести футов в длину и двигалось как гусеница. Теперь ты понимаешь всю серьёзность положения, всю серьёзность ситуации? Ведь не могут все четыре человека так бессовестно врать – как не может быть и того, что все четверо нуждаются в срочном осмотре психиатра. Есть и другие свидетельства: Джимми Хоссак в тысяча восемьсот шестьдесят пятом, Д. МакКензи в октябре тысяча восемьсот семьдесят второго, Александр МакДональд из

Абрайчейна в тысяча восемьсот восемьдесят восьмом; кто-то из них принял монстра за перевёрнутую лодку, а кто-то – за колоссальных размеров шерстистую саламандру. Как видишь, работы много; мы просто обязаны проверить всё это.

– Я всё прекрасно понимаю, но – лай? Лай у водного млекопитающего?

– Мы далеки от осознания истинной природы этого существа; мы не знаем, как оно выглядит на самом деле, основываясь лишь на размытых и обрывочных описаниях. И Бог с тобой, Джордж: будто ты не знаешь, что лают не только собаки, но также и калифорнийские морские львы...

Я не стал спорить с коллегой, хотя мог бы возразить, что мы не в тёплой и солнечной Калифорнии, а на севере Туманного Альбиона; что нас омывают воды Атлантического, а не Тихого океана; что...

Последующие несколько дней обе группы исследователей добросовестно просидели у побережья – одна у северного, другая – у южного, но наши ожидания не увенчались успехом. Мы располагали всем необходимым оборудованием, мы были готовы вести полноценную фотосъёмку в случае появления из воды морского ящера – и, как назло, ни одного подозрительного явления нам так и не удалось зафиксировать.

Прошла неделя; прошла другая, третья – пока я, не выдержав, не предложил усесться в лодку и выплыть на ней в середину водоёма.

– В своём ли ты уме, Джордж? – Хватался за голову

Ларри. – Тебе ли, урождённом у этих мест, не знать, каким непредсказуемым бывает это озеро! Ты хочешь подвергнуть своих коллег опасности? Ведь если мы попадём в шторм...

– Да ради Бога, – Махнул рукой я, Джордж МакКой. – Нет, сидеть и ждать с моря погоды; сидеть в тягостном ожидании, когда же вынырнет Зверь...

Члены экспедиции покосились на меня – ах, да: в последнее время я, палеонтолог и последователь эволюционного учения Дарвина, слишком часто произношу слово «Бог», что не есть хорошо в обоих случаях: во-первых, согласно одной из заповедей, «не упоминай имя Господа всуе»; во-вторых, мне как учёному не пристало быть столь уж богобоязненным. Но после всего того, что я пережил в поместье Тюрвень...

И тут меня озарило – как громом поразило!

– Давайте присвоим нашему ископаемому чудищу имя: «тюрвень» вполне бы подошло.

– Почему именно «тюрвень»? – Округлили глаза мои коллеги.

– Это анаграмма на слова «стержень», «дюгонь» и «тюлень». «Стержень», потому что его туловище (и, прежде всего, шея) предположительно сильно вытянутое; «дюгонь», потому что я, ещё не видя Зверя, по рассказам очевидцев подозреваю его некоторое сходство с ламантином и морской коровой; «тюлень», потому что в этих водах скорее уместен тюлень – причём, лающий, как всякие ушастые тюлени. Я пре-

красно понимаю, что моё предложение выглядит несколько неуместным, абсурдным и даже глупым – но и утверждать, что Несси есть плезиозавр, мы не имеем права, ибо чёткой доказательной базы у нас нет. Пусть за Зверем остаётся собственное имя «Несси», ибо оно – эндемик этого водоёма, Лох-Несс его ареал. Но всех прочих животных (вы же не думаете, что этот экземпляр – единственный во всём этом мире?), подобных ему, можно именовать «тюрвень».

Я мог бы добавить, что на выбор имени вида повлияли так же рыбы глаза Жаббоны, но не стал этого делать, ибо в этом случае меня бы точно признали умалишённым.

Конкретно в этом вопросе учёные меня поддержали единогласно; что же касается путешествия на лодке – пока это не представлялось возможным, ибо, как назло, поднялась высокая волна. Озеро будто злилось на нас; оно истово пенилось, кипело, бушевало.

Воспользовавшись этим обстоятельством, я с дозволения Ларри ненадолго отлучился – я сел за руль его личного автомобиля, который он любезно мне предоставил, и помчался в Инвернесс, где живёт мой друг, художник и поэт – я ни на минуту не забывал о Ллойде, и искал любую возможность навещать его как можно чаще, дабы лишний раз приободрить и улетучить всё его возможное уныние, ведь теперь он заперт в четырёх стенах, стеснён и ущемлён.

О’Брайена я застал за чтением очередного триллера. Наверное, я поступил неправильно, взяв его тогда с собой в

Тюрвень! От прежнего весельчака не осталось и следа! Осталась лишь тень, в которой не было ни капли оптимизма.

– Здравствуй, Ллойд! Как ты? Что читаешь? – Бросился я к своему... К своему второму «я».

– Как видишь... – Томно ответил тот. – Этому миру явился новый пугач, Джордж. Но то, что он пишет, и что снимает, похоже на правду.

– Ты о чём? – Не понял я, немного растерявшись. – Опять балуешься телемой? Поверь мне, до добра это твоё увлечение не доведёт!

– Альфред Хичкок, Джордж. – Изрёк Ллойд, улыбаясь и поворачивая своё лицо к окну. И по мере того, как он разворачивал своё лицо, его улыбка, минуя стадию гримасы – гримасы измождённого жизненными перипетиями, переполненного мук и страданий взрослого мужчины – обратилась в плотно сжатые губы, края которых были уголками вниз – что свидетельствовало о том, что этот человек в последнее время не испытывает ни йоты радости.

Я подошёл к спинке инвалидной коляски и нежно, с теплом и любовью возложил свои руки на плечи своего друга.

– Меня мучают боли, Джордж, – Молвил Ллойд, не оборачиваясь. – И я понятия не имею, что именно у меня болит. Не в моих правилах прибегать к коварному зелёному змию, поэтому я был вынужден заказывать себе из ближайшей аптеки морфий и опиум – лишь они помогали мне. Однако до меня дошли слухи, что вскоре оба этих препарата будут изъяты

из всех аптек Великобритании, Германии и США, ибо они признаны наркотическими средствами, вызывающими стойкое привыкание и имеющими кучу побочных эффектов.

– Друг мой... Как мне помочь тебе?

– Никак. – Почему-то мне показалось, что Ллойд вновь улыбается. – Но меня мучают не одни лишь только боли – невыносимые, нестерпимые воспоминания... Эта Жаббона, эта...

– Это я во всём виноват, – Вздохнул я.

– Брось, – Сказал мой друг и поспешил сменить тему разговора. – Итак, я упомянул Хичкока... Знаешь, о чём он пишет? Про что снимает фильмы?

– Не имею представления, Ллойд.

– Этот парень далеко пойдёт; уж поверь мне, своему старому другу. Буквально на днях я дочитал его рассказ «Газ», а вчера лицезрел картины «Женщина – женщине» и «Всегда говори своей жене».

– Я рад, дружище, что ты не падаешь духом и пытаешься хоть как-то скрасить своё одиночество; обещаю, что не оставлю тебя.

– Не обещай того, чего исполнить не можешь. Но я не сказал тебе главного: мне приснился сон, в котором мне открылось, что двадцать первого сентября тысяча девятьсот сорок седьмого года родится писатель такого уровня, что по его произведениям будут снимать кино. Этот человек также, как и Хичкок, способен заглянуть в самые потаённые глубины

человеческого «я», влезть в подсознание и вывернуть душу наизнанку – в переносном смысле, разумеется.

Ллойда О’Брайена я оставил наедине с его мыслями, несколько тревожась за него и печалюсь от того, что помочь ему я уже не в силах. Похоже, я теряю друга, теряю человека, теряю поэта и художника. Я давно не слышал от него новых стихов; он больше ничего не рисует. Он скорее мёртв, чем жив; жизнь ещё теплится в этом незаурядном таланте, но вид этого усталого существа жалок и болезненен.

Вернувшись к своей экспедиции, я, несколько потерянный от увиденного и услышанного в Инвернесе, таки дождался своего часа: распогодилось, и мы – Ларри фон Герт, Чэндлер Смит, ассистент Кверти и я – на волне везения, усевшись в лодку, поплыли в сторону предполагаемого центра озера Лох-Несс.

Через несколько часов мы, психически вменяемые люди с не менее отменным физическим здоровьем, разинули рты от того, что начали видеть наши глаза – и по мере того, что мы видели, глаза наши округлялись всё больше, брови ползли всё выше, а челюсти отвисали всё ниже.

Самый обычный, безобидный в своём поведении плезиозавр вынырнул из толщи воды – сначала показалась небольшая голова, а после – очень длинная шея. Он совершенно нас не боялся, и не причинил никакого вреда.

Неожиданно для нас с другого борта лодки мы рассмотрели ещё одного ящера – так мы оказались меж двух огней,

и шеи древних ископаемых, скрестившись где-то далеко и высоко над нашей лодкой, образовали своеобразную арку.

Самец и самка, похоже, затеяли брачные игры – с какой трогательной нежностью они прижимались, тёрлись шеями так, как обычно обнимаются друзья, любящие пары или же родители и их дети.

В великом восторге мы начали фотографировать всё это и аплодировать от всей души – ничто не чуждо этим монстрам; и они, и они умеют любить.

Но изумительный тандем двух любящих животных мы наблюдали недолго: удивительный морской пейзаж внезапно омрачился каким-то зловещим рыком, исходящим, похоже, с самого дна холодного водоёма.

Не только люди (по вполне понятным причинам) – также и Несси со своим избранником почувствовали угрозу. Мы внимательно следили за тем, какой страх обуял даже их – что же говорить о нас?

Оба плезиозавра незамедлительно окунулись в пучину – но, похоже, было уже слишком поздно: в месте их ныряния мы рассмотрели большое багровое пятно, расходящееся и расплзающееся всё дальше и дальше. Больше мы не видели Несси никогда.

То, что стало причиной их гибели, могло сгубить и нас: к несчастью, двумя смертями это нечто не ограничилось...

В следующую секунду по озеру пошла такая волна, пошли такие пузыри, что нашу лодку чуть не перевернуло прежде,

чем неведомая рыба поглотила бы нас: спаси и сохрани, если ты существуешь, наш создатель!

Ибо мы своими собственными глазами увидели поднимающегося со дна водоёма огромного червя – или гусеницу, или кое-кого ещё.

То, что предстало моему взору, не укладывалось в моём сознании, и я сразу вспомнил про такое явление, как «островной гигантизм»; в данном же конкретном случае речь шла о гигантизме озёрном и речном: ну не могло, просто не могло быть столь огромного существа в не самом большом из озёр планеты!

По размерам эта омерзительная тварь была соотносима с аргентинозавром – крупнейшим из динозавров Земли; по облику же...

Если я скажу, что я увидел те же глаза, что у Жаббоны – только гораздо крупнее и во сто крат злее – мне не поверит никто!

«Пора прощаться с жизнью, приятель», обратился я к самому себе. Члены же моей команды были ни живы, ни мертвы – запуганные до смерти, они корчились в лодке, свернувшись каждый калачиком; их бил сильнейший озноб, и только у меня ещё хватало стойкости духа – но лучше бы я сошёл с ума или погрузился в спасительный сон, нежели продолжал бы глядеть на то, что прорезало волны совсем рядом.

Я думал, что нам всем пришёл закономерный конец! Но и это было ещё не всё...

Похоже, одним монстром провидение не ограничилось: помимо тюрвеня, стеснившего собой почти всё видимое водное пространство, мои несчастные глаза заметили ещё одного уродца древности: мегалодон...

Я похолодел: ну, вот и всё. Что может сделать Джордж МакКой против двух дьяволов озера Лох-Несс? Я всего лишь человек, не располагающий ни гарпуном, ни огнестрельным оружием (которое я случайно оставил у Ллойда).

Однако вместо того, чтобы рвать меня на части, гигантский червь и праотец всех акул решили выяснить отношения между собой. И сколь ужасен был их бой! Канонада показалась бы хлопком против той какофонии, что вынужден был слышать я.

Громадная морская змея – именно змея, поскольку я не увидел у тюрвеня ни передних, ни задних конечностей – начала избивать не менее громадную хрящевую рыбу своим очень длинным и очень тяжёлым хвостом; та же в ответ усиленно щёлкала челюстями, пытаясь перекусить тюрвеню шею. Противники были примерно равны по силе – тюрвень казался более маневренным, в то время как мегалодон был более точен и агрессивен. В конечном итоге, спустя где-то два часа, оба плавающих демона пошли на дно, во время боя всё время удаляясь от нашей лодки – что, конечно же, было великим избавлением. Но я не был уверен в том, что каждый из них был стопроцентно мёртв – возможно, изранен, но уж точно жив.

За нами послали другую лодку – несмотря на то, что изначальный штиль уже давно улетучился, и озеро разбушевалось не на шутку – оно было чёрным от не менее чёрных туч, низко нависающих над ним и очень быстро перемещающихся.

Кверти спасти не удалось; Ларри и Чэндлер отделались лёгким испугом. Что же до меня, то я уже не знаю, стоит ли мне заниматься всем тем, чему я когда-то решил посвятить всю свою жизнь.

Посоветовавшись с коллегами, я решил уничтожить плёнку, на которой запечатлены Несси, её супруг, тюрвень и мегалодон – хватит с нас и того, что мы уже пережили; эти впечатления уже не изгладятся из памяти. А корреспонденты пусть пишут в своих газетёнках всё, что им заблагорассудится – меня это больше не касается. Также, я не хочу подвергать местных жителей панике – если бы я им рассказал, что в их озере водится нечто пострашнее плезиозавра, они или подняли бы меня на смех, или возненавидели, так как в случае подтверждения правдивости моего рассказа им пришлось бы сняться с нажитых мест, а это недопустимо.

Попрощавшись со всеми прочими учёными, я в дурном расположении духа поехал в Инвернесс, ибо нуждался в поддержке своего друга.

Но мой друг не встретил меня; не выехал, как обычно, в своей коляске мне навстречу, отперев ключом свою дверь – это сейчас было необязательно, ибо дверца была не заперта.

Я опоздал: мой друг, художник и поэт не дождался моего возвращения. Он застрелился из моего же револьвера, снедаемый терзающими его думами. Судя по всему, самоубийство произошло недавно, и я не успел совсем чуть-чуть – орудие лишения жизни лежало на полу, а его дуло ещё дымилось. Там же, на полу, валялся вырванный тетрадный лист, похожий на предсмертную записку.

Нагнувшись и взяв смятую бумагу в свои дрожащие руки, я прочёл следующее:

«Разгадка тюрвеня проста: это Ньярлатхотеп, ползучий хаос. Жаббона как-то связана с ним – может быть, эта недозмея-недорыбина вышла из его чрева и хотела при помощи «Некрономикона» пробудить всех подобных тюрвеню по всему миру, дабы эти монстры вышли из вод и пожрали всё человечество. Также, тебе пришло уведомление о том, что существа, подобные Жаббоне, прислуживали в замке Тюрвень со времён его основания, а это одиннадцатый век. Телеграмма послана комиссаром из Парижа...».

На этом текст записки не заканчивался – по всей видимости, там было написано что-то ещё: что-то очень важное; проливающее свет на всё. Но это «что-то» было измазано кляксами от чернил и заляпано брызгами уже свернувшейся крови так, что прочесть всё это было решительно невозможно.

Я перевернул листок обратной стороной в надежде, что там есть продолжение, и не ошибся:

«Это Древние построили Стоунхендж; те, кто жил на Земле прежде атлантов и гипербореев. Цукенг... фывапролдж...».

Я пошатнулся, и опёрся рукой о стол, дабы не свалиться на пол, но ладонь моя прилась не по твёрдому деревянному покрытию, а по чему-то кожаному, лежащему на столе, и этим чем-то оказался «Некрономикон», который я полгода назад собственноручно выбросил в главную артерию Парижа, реку Сену...

Ллойд О'Брайен трагически погиб, и я целыми днями скорблю об утрате. Я уехал домой в Корнуолл и с тех пор всячески остерегаюсь полных женщин с абсолютно чёрными глазами – они могут сглазить кого угодно и привести на смертный одр. А «Некрономикон» был передан мной в дар библиотеке Мискатоникского университета – передан с соблюдением строжайшей тайны, ибо о существовании этого единственного экземпляра должно знать как можно меньшее количество людей – ради их же блага.